

МОЯ ДОЧЬ – БЕЛЛИДЕНСЕРША

Моя дочь – беллиденсерша. Когда я говорю об этом людям, их первая реакция – в непонятку: «О, балерина – как замечательно! Мне нравится балет». Я поправляю их, и смотрю, как поднимаются брови, когда они вызывают в воображении образы гаремов, шейхов, рабынь и увешанных драгоценностями пупков. Некогда и я была темной и не знала об этом древнем искусстве, но с тех пор изменилось многое – было и хорошее и плохое – когда мы с дочерью силились понять культуру, которую она танцует. Кто бы мог представить, что мою дочь шотландских и германских кровей навсегда очарует выступление труппы средневосточного танца? Когда танцовщицы появились на сцене, размахивая платками, она глядела во все глаза. Были наведены справки, начались занятия, и, хотя тогда я этого еще не понимала, наши жизни изменились так, что уже никогда не могли бы стать прежними.

Первая ласточка из совершенно нового мира прилетела, когда моя дочь пришла с занятий и мимоходом спросила, а нет ли у нас где-нибудь «старого бедуинского меча». Я сказала, что нет, и поинтересовалась, зачем он. Она объяснила, что меч нужен для нового танца, который она учит. Через несколько месяцев еще один вопрос: есть ли у меня серебряный цехиновый бюстгальтер, который я могу ей отдать? (!) У нее не было того, чего потребовала учительница, и она надеялась, что этот бюстгальтер завалится где-нибудь у меня в сундучке. Он был нужен для костюма, который ей одолжили на ее первое выступление в труппе.

Мы обзвонили людей и выяснили, что есть несколько вариантов, но все они стоят несколько сотен долларов и требуют месяца времени. А была только неделя. Моя дочь чуть не плакала, и я сказала ей, что сошью бюстгальтер сама. Ее глаза стали как блюдца, ведь она знала, что даже подшить джинсы я не умела.

Это одно из тех дел, за которое никогда в жизни не возьмешься, если знаешь, что это такое, но счастье в незнании, и вот я в магазине тканей. Прихожу в замешательство, потому что не знаю, сколько нужно цехина, и не знаю, что делать с частями бюстгальтера, которые растягиваются. Думаю: семь раз меряй, один – режь, и покупаю

по два метра каждого вида серебряного цехина. Четыре ночи мучаюсь методами проб и ошибок, искалываю пальцы в клочья, нервничаю, как бы не поехала крыша, и, наконец, завершаю работу. Слава богу, додумалась укрепить ремешки и застёжки зубными нитями. Теперь костюм выдержит самые живые движения Raks Sharqi.

Пятнадцатилетняя Меган шотландских и германских кровей

С той поры прошло много времени. Теперь мы знакомы с самыми разными костюмами, от народных *milaya* и *galabaya* до гламурных одеяний Ориентал со слоями бахромы и богатыми россыпями бисера. Если вы знаете, сколько труда требуется, чтобы создать один из таких нарядов, их цена вас не удивит.

Еще одним откровением стала музыка. Арабская танцевальная музыка громкая и жизнерадостная, с драйвовыми ритмами. Музыка, которая остается в вашей голове еще неделю после того, как вы ее выключили. Мы слушали ее почти непрерывно, потому что моя дочь пользовалась любым подходящим случаем, чтобы потренироваться в волнах и отточить шимми. Наши друзья привыкли к музыкальному фону телефонных разговоров. И я часто улыбаюсь, когда вспоминаю, как, готовя ужин, я напевала под музыку, которая тогда казалась мне такой иностранной.

Моя дочь поставила свое первое сольное выступление на музыку «But When We Speak». Мне очень понравилась эта песня, и я была удивлена, что у нее английское название. Не надо было ломать мой англосаксонский язык, чтобы его произнести. Когда моя дочь решила, что ей нужна другая версия этой песни, я предложила заехать в магазин и купить. Она написала на листочке, что конкретно ей нужно. Я посмотрела и ничего не поняла. «Batwa Niis Biik», Warda. «Я думала, тебе нужна та же музыка, под которую ты тренируешься». Она посмотрела на меня и захихикала. Произнесите это название быстро пять раз. Что вы слышите?

Новое дело часто означает «новые друзья», и беллиденс не исключение. Сначала мне казалось, что у моей дочери теперь вдвое больше друзей, чем было на самом деле. Потому что я не знала, что большинство танцовщиц берут себе псевдонимы. Часто моя

дочь называла одних и тех же людей по-разному. Но после того как я увидела, что Мэри и Мунира очень похожи (только Мэри носит очки), и удивилась, что Кэти и Халила выглядят словно сестры, она все объяснила.

Хотя для семьи и друзей она по-прежнему Меган, танцовщицы знают ее как Маяду. Маяда по-арабски – «та, которая ходит качающейся походкой».

Я с гордостью наблюдаю, как моя дочь тренируется, изучает себя в зеркале, чтобы довести до идеала сложные движения и связки своего танца. Я не перестаю изумляться тому, как это древнее искусство открыло в ней Женщину, повысило уверенность и самолюбие. Моя дочь постоянно стремится узнавать новое о танце. Когда она не тренируется, она читает книги и смотрит, она всегда готова говорить о танцовщицах, которые ее восхищают. Теперь имена Fifi Abdou, Souheir Zaki и Nagwa Fouad нам очень знакомы. Теперь я умею отличить beledi от saidi. Это меня поражает. Мне остается только работать над походкой верблюда* ...

* *походка верблюда (camel walk) – движение средневосточного танца.*